

Лидия Чарская

Записки сиротки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ч-22

Ч-22 **Чарская Л.**
Записки сиротки / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2012. – 68 с.

ISBN 978-5-4241-3415-9

Лидия Алексеевна Чурилова (урожденная Воронова, литературный псевдоним Лидия Чарская) по праву считается самой популярной детской писательницей России начала века. Перу этой одаренной и необычайно плодотворной писательницы принадлежат десятки произведений для детей, подростков и взрослых читателей. Количество написанного Чарской может быть сравнимо разве что с масштабами ее огромной, поистине небывалой популярности...

Продолжали зачитываться Чарской и после того, как ее произведения — уже в двадцатые годы XX века — были объявлены «слащавыми» и вредными для читателя, а затем запрещены и изъяты из библиотек. Наиболее любимые повести писательницы, однако, долго еще переписывались читателями, передавались из рук в руки.

ISBN 978-5-4241-3415-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лидия Чарская
Записки сиротки

ЧАСТЬ I

Глава первая СИРОТКА КАТЯ

Я помню маленькую светлую комнату, всю залитую лучами весеннего солнышка. Высокая, полная женщина укладывает меня в кровать и, глядя мою белокурую головку, шепчет сквозь слезы:

— Бедная, бедная моя сиротка!

Эта полная женщина с добрым лицом — моя няня... Она так ласково смотрит на меня.

— Покойной ночи, нянюшка, — говорю я, протягивая к ней руки, и она целует меня и крестит.

Я знаю, что няня любит меня теперь еще больше, гораздо больше прежнего, с тех пор как умерла моя милая, дорогая мамочка...

Я до сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что ее уже нет с нами. Я горько плакала, когда она умерла, но няня остановила меня словами:

— Мамочка у боженьки. Катя, но она видит твои слезы и ей больно за тебя; лучше обещай ей быть хорошей, милой девочкой, чтобы она могла радоваться на тебя, и молись за нее почаще.

Я постаралась исполнить желание няни и каждое утро и вечер горячо молилась за мою дорогую далекую мамочку.

А как мне хорошо жилось с нею!

Мы жили — мама, няня, я и старый, ленивый кот Мишка — в нашей маленькой квартирке. Мама целый день проводила на службе, няня возилась на кухне, а я с Мишкой сидела на широком подоконнике гостиной, играя с моей куклой Лили или читая книжку. С четырех часов дня я уже начинала ждать маму со службы. Она приходила всегда к пяти часам усталая, но довольная тем, что видит свою маленькую Катю...

В ту же минуту няня приносила миску с супом, и мы садились обедать. После обеда мама читала мне книжку или показывала картинки в большой толстой книге. Чаще всего рассказывала сказки, до которых я была большая охотница. Вечером, когда мои глаза начинали слипаться от сна, мама отводила меня в маленькую детскую, оклеенную розовенькими обоями, собственноручно раздевала и укладывала меня спать. Потом садилась на краю моей постельки и, перекрестив несколько раз подряд, долго еще гладила по головке, пока сон окончательно не охватывал меня.

Я ужасно любила, когда она клала мне на лоб свою мягкую, теплую руку, и я засыпала тогда довольная и счастливая тем, что она сидит около.

А по праздникам, когда мама не уходила на службу, мы целый день были неразлучны... Утром ходили в церковь, а после завтрака долго гуляли, если была хорошая погода; в дурную же сидели у окна с работой в руках и вели нескончаемые разговоры.

И вот — все это кончилось... Всю зиму мама кашляла и еле-еле держалась на ногах. Весною она не вставала уже с постели. В ее комнате пахло лекарствами... Ходил старичок-доктор с большими очками на носу, и все говорили шепотом.

Три дня тому назад няня отвела меня к маме проститься.

Я с трудом влезла на высокую мамину постель и спросила ее, зачем она уезжает и куда? Мамочка была очень слаба и худа... Она взяла мою руку и сказала, что она не будет жить с нами, а уйдет на небо к боженьке, откуда будет видеть меня.

— Ты будешь умницей, Катя, — тихо проговорила она, — ты не захочешь огорчать твою маму?

— Нет, нет, — воскликнула я, — я буду умницей, только не уходи от меня на небо... останься с нами!

Я начала так горько плакать, что меня увели из комнаты.

На другой день утром я видела маму в последний раз. Она говорила, что я останусь пока с няней, а потом меня отвезут к моим родственникам, маминому брату, которого я никогда не видела, — он жил где-то далеко... Говоря это, мама целовала меня и гладила по головке. Потом она взяла висевший на стенке образок и благословила меня им.

Глава вторая

ДВА ПИСЬМА. ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ОТЪЕЗДУ

Какою пустой и неприветливой показалась мне наша до сих пор уютная квартирка, когда мы вернулись с похорон мамы! И солнышко не так ласково смотрело в окна, и Мишка жалобно мяукал, ища свою хозяйку. Печально и грустно было доброе лицо моей няни, старавшейся изо всех сил если не разве-селить, то хоть немного успокоить свою маленькую Катю. Но и на ее добрые, старые глаза поминутно наворачивались крупные слезинки, которые она старалась скрыть от меня. Мы обе живо чувствовали отсутствие дорогой, милой мамы...

Вернувшись с кладбища, няня приготовила мне завтрак, но я, конечно, ничего не могла есть: от горя кусок не шел мне в горло. Затем целый день няня все хлопотала по устройству наших дел: надо было продать мебель, кое-что закупить на дорогу. Она хотела покончить все это сегодня же, чтобы как можно скорее отправиться к дяде, у которого я должна была поселиться после смерти мамы.

Поздно вечером, когда мы, уставшие за целый день хлопот, сидели за самоваром, вдруг раздался звонок. Няня побежала открывать дверь и через минуту вернулась, неся в руках два письма. Одно — было от дяди, другое из няниной деревни. Дядя писал, что он вернется только через три недели и что до тех пор я должна пока остаться с няней. В другом же письме мать няниного мужа звала нас заехать к ним погостить по дороге к дяде... Она писала, кроме того, что няня нужна в деревне как работница, так как приближались полевые работы.

— Ну, что же, едем, Катенька, ко мне в деревню? — спросила няня по прочтении мне обоих писем.

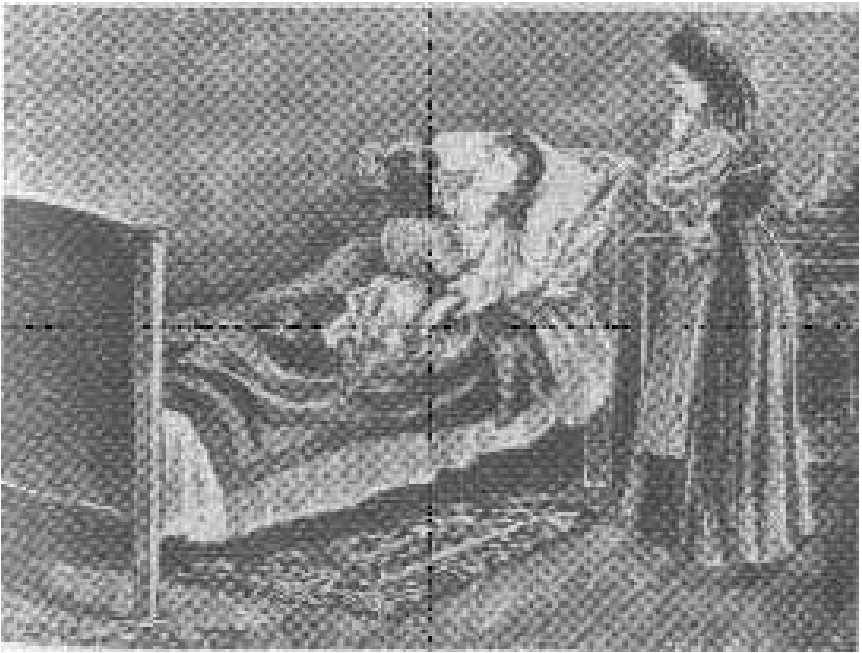
— Едем, нянечка, — согласилась я и тяжело вздохнула.

Я так мечтала еще при жизни мамы пожить в деревне всем троим вместе! Теперь без нее это так давножданное удовольствие мало обрадовало меня.

На другой день и няня, и я встали очень рано.

После чаю няня сейчас же принялась укладывать и свои, и мои вещи, чтобы подготовиться к отъезду.

— Как, Катя, укладывать Лилины башмаки или нет? — кричала она мне из гостиной, откуда унесли уже проданную мебель.

Башмаки Лили (так звали мою куклу) были совсем старенькие, но их покупала покойная мама и мне не хотелось оставлять их.

— Уложи их, нянечка, — попросила я, старательно завязывая галстук на толстой шее моей любимой и единственной куклы. Все мои игрушки должны поместиться в детском сундучке. Места в нем было немного. Некоторые игрушки пришлось подарить Паше, дворниковой девочке.

Я ходила по опустелым комнатам, заглядывала в кухню, кладовую, во все уголки нашей маленькой квартирке, прощаясь с нею. Мишка не отставал от меня и все время мяукал.

— Что это, какой он беспокойный, нянечка? — спросила я, видя тревогу старого кота.

— Скучает он, Катенька, чувствует его сердце, что мы расстаемся с нашим гнездышком, — вот и плачет. Кошки ведь к месту больше, чем к людям, привыкают.

Наш отъезд был отложен до субботы. Нужно было продать еще некоторые непроданные вещи, которых нельзя было взять с собою; нужно было также еще кое-что прикупить, запастись съестным в дорогу. Нянина деревня была в Курской губернии, и путь туда был не короткий.

Пока шли сборы, я сидела на моем любимом подоконнике, где, бывало, поджидала маму. Из кухни несся запах жарившихся на дороге пирожков.

Мне было жаль оставлять квартирку, в которой я провела много славных, счастливых деньков.

Глава третья

ОТЪЕЗД. ДОРОГА. СЛУЧАЙНОЕ ЗНАКОМСТВО

Наступила суббота. Все было уложено и запаковано. Мы съездили с няней на кладбище, отслужили панихиду по маме и вернулись домой закусить перед поездом и захватить вещи...

Но тут случилось одно неприятное происшествие. Мишка никак не хотел влезать в приготовленную для него корзинку. Сколько раз няня ловила его и сажала туда, но как только хотела закрыть крышку, капризный кот выскакивал из нее и его приходилось ловить по всем комнатам.

Наконец, его засадили в корзинку, захлопнули крышку, несмотря на его отчаянное мяуканье, и поехали на вокзал.

Я редко бывала в толпе. Мама не гуляла со мною по людным улицам, и потому шум и возня на железной дороге очень испугали меня. Я держалась за юбку няни, как самая маленькая девочка, прижимая к груди Лили, смотревшую спокойно на все своими стеклянными глазами.

Билеты куплены, носильщик отнес наши вещи в багаж и усадил нас в вагон, где было темно, как ночью.

Раздался первый звонок, за ним, немного погодя, второй, затем третий. Няня велела мне перекреститься и долго крестилась сама на соседнюю с вокзалом церковь. Пронзительный свисток — и поезд тронулся. Мишка заметался и замяукал в своей корзинке, поставленной под лавку, но и он скоро успокоился.

Передо мной мелькали деревья, дома, телеги и люди... Я не отходила от окна ни на минуту. Няня разговорилась с нашей соседкой по скамейке и была очень довольна, что нашла себе товарку по пути.

Мы ехали мимо каких-то деревушек с маленькими темными избушками. Снег

еще лежал на полях, хотя солнышко грело по-весеннему.

Поезд шел очень скоро... и как только встречался с другим поездом, издавал пронзительный свисток.

— Катенька, не хочешь ли покушать? — спросила заботливо няня, наклоняясь ко мне.

Есть мне еще не хотелось, но я вспомнила, как хорошо пахли жареные пирожки и курочка, изготовленные накануне няней, и мне захотелось попробовать и того и другого. Няня поставила передо мной корзинку с провизией, и я с аппетитом поела вкусной стряпни старушки, покормила высунувшегося из корзинки неугомонного Мишку и снова заняла мое место у окна.

Начало смеркаться. Няня принялась устраиваться на ночлег. Вынула из дорожного мешка подушки и одеяла и, подложив вместо тюфяка под меня свое пальто, устроила мне очень удобную постельку. Я не скоро уснула. Положив около себя Лили, я ей еще долго рассказывала шепотом о том, куда мы идем, где нянина деревня, сколько там есть яблок и ягод, коров и барашков.

— Катенька, ты спишь? — раздался надо мной голос няни. — Дай-ка я тебя переkreшу за маму, моя сироточка! — ласково добавила она и долго крестила меня, шепча молитвы.

— Мы ведь не скоро еще приедем в Москву, нянечка? — спросила я, уже засыпая.

— Еще не скоро, милушка, выспаться успеешь, — ласково успокоила меня няня и стала сама укладываться на другой скамейке.

Солнышко светило вовсю, когда я проснулась. Вдали белели церкви с золотыми куполами.

— Мы к Москве подъезжаем, — сказала няня, — и там пересядем на другой поезд.

В вагоне поднялась суматоха. Все бросились укладывать и собирать вещи. Я выспалась отлично и с любопытством рассматривала незнакомый город. Поезд подошел к платформе. Няня позвала носильщика и велела ему нанять извозчика на Курский вокзал. На новом вокзале было еще шумнее, чем на вчерашнем. Мы нашли себе место около молодой женщины, ехавшей со своей семилетней племянницей.

Девочку звали Дуней. Я ей показала Лили и Мишку и угостила пирожками и карамельками, купленными мне на вокзале няней. Мы подружились с ней очень скоро. Девочка рассказала мне, что тетка везет ее домой в деревню, а что гостила она у мамы в Москве.

— Моя мама живет в услужении, она горничная в генеральском доме, — важно сказала маленькая Дуня. — А твоя мама где?

— Моя мама у боженьки! — тихо сказала я.

— Значит, ты сиротка? — спросила Дуня.

Я чуть не заплакала.

— Боженька любит сироток! — проговорила моя новая знакомка и, отломив большую половину медовой коврижки, купленной ей теткой, протянула мне.

Глава четвертая НА ЛОШАДЯХ. НОЧНЫЕ СТРАХИ

Весь день мы проболтали с Дуней у окошечка и легли спать рядом на длинной

скамейке. Среди ночи няня осторожно разбудила меня, говоря, что мы приехали.

Я крепко расцеловалась с моей новой знакомой, и мы вышли из вагона.

Вокзал был слабо освещен. Мы еле выбрались с няней из толпы и стали отыскивать какую-нибудь телегу, чтобы доехать до няниной деревни. В маленьком городишке, где мы вышли, не было других экипажей, а если бы и были, то взяли бы очень дорого за езду. Но и телеги не было на станции ни одной. Няня уже готова была переночевать в гостинице, как вдруг ее окликнул чей-то голос.

Мы обернулись. Перед нами стоял маленький, седенький старичок.

— Ах, Кузьмич, здравствуй, — обрадовалась няня.

— Здравствуй, здравствуй, Грунюшка! Меня за тобой и прислали, как, значит, получили писульку-то, так меня твоя мать и подрядила ехать за вами.

— А, значит, письмо дошло?

— Вчерась еще принесли... Давай вещи-то, родимый, — крикнул мужичок носильщику и, взяв от него багаж, положил его в телегу, стоящую у станции.

Потом он подложил сена под сиденье и помог нам взобраться.

— Это сосед наш, Катенька, — пояснила мне няня, когда телега загрохотала по улицам городишка.

Мне очень хотелось спать, и я легла на дно телеги. Няня прикрыла меня большим платком, но уснуть я не могла, так как слишком сильно трясло на мостовой. Мужичок повернулся к нам и, поминутно подгоняя лошадку, рассказывал няне о их деревенском житье-бытье.

Пока мы ехали по городу, я не чувствовала ничего, кроме желания спать, но вот мы выехали в поле, а потом в лес, где меня охватило чувство страха... Я смотрела на большие деревья, которые размахивали ветвями, точно громадными, длинными руками; тень от них ложилась темными пятнами на дорогу. Мне было очень жутко. Я вспомнила мамину сказку, где в таком же лесу маленький мальчик, ехавший с отцом, видел лесного царя и его страшных дочерей.

— Тебе холодно, Катенька? — заботливо осведомилась няня, видя, что я все время озираюсь по сторонам.

— Нет, нянечка, мне страшно! — призналась я.

— Страшно? — удивился Кузьмич. — Что ты, барышня! У нас тут тихо, в добрый час сказать! Я не раз в лесу этом был и даже волка не встретил.

Слова доброго мужика успокоили меня, и всю остальную дорогу я проспала крепким сном.

Глава пятая

НОВЫЕ МЕСТА — НОВЫЕ ЛИЦА

Я проснулась от толчка... Телега остановилась у крылечка небольшой избы, стоявшей посреди огорода... Няня целовалась с какой-то старухой и держала за руку маленького белобрысого мальчугана — моего ровесника.

— Катенька, Катенька, — обернулась она ко мне. — Кузьмич, сними барышню с телеги.

И мой новый знакомый осторожно поставил меня на землю.

— Здравствуй, барышня! — сказала мне старуха и погладила меня по головке своей грубой, мозолистой рукой.

— А вот и мой Ванюшка! — радостно сказала няня, подталкивая ко мне толстого карапузика в красной рубашке.

— Ванюшка, здоровайся с барышней, — приказала она сынишке.

Мальчик смотрел на меня букой.

Я протянула ему руку, но он не двигался. У него была грязная рожица, расквашенный нос и белая, как лен, головенка.

— А где же Василий, Федор и Маша? — спросила няня у своей старухи-матери.

— На поле, родная! Пашут... К полдню вернутся... Ну, пойдем-кась в горницу... Устали, чай?

И старуха повела нас с няней в избу. Я с удивлением рассматривала большую комнату с лавками по стенам, с киотой, полной образов, в углу, со столом и большой печью.

Я никогда не была в избе, и все здесь меня удивляло. Комната была огорожена ситцевой занавеской, а наверху были какие-то странные палки.

Няня сказала мне, что это палаты, где спать.

Мне стало очень скучно... Жаль было старой милой квартирки. Здесь все было такое чужое, незнакомое...

Мать мужа няни — совсем седая старуха — показалась мне очень строгой... Она недружелюбно поглядывала на меня и, наконец, спросила:

— А когда же ты, Грунюшка, повезешь барышню к ихним родным?

— Как только придет письмо оттуда, — ответила няня, — мы и тронемся.

В двенадцать часов старуха стала собирать обед, говоря, что скоро вернутся с поля муж моей няни, ее брат Федор с женой Марьей. Я тем временем освободила бедного Мишку из корзинки. Он выпрыгнул, встряхнулся и презабавно стал оглядываться, не узнавая нового места.

— Да ты никак с кошкой еще? — не совсем любезно проговорила нянина свекровь.

— Нельзя было оставить, Катенькин любимчик ведь это! — не спуская с рук своего сынишки, оправдывалась.

— Что ж, экую невидаль и к дяденьке потащите? — спросила меня старуха.

Я ничего не ответила. Я начинала ее бояться.

Наконец, к обеду явились муж няни, загорелый мужик с черной бородой, и ее брат Федор с женой.

Все они очень обрадовались ей, громко разговаривали, смеялись, шутили со мной и рассматривали меня, как невиданного зверька.

Мне было очень грустно. Когда няня придвинула ко мне тарелку со щами (они все ели из общей миски), из глаз моих полились слезы.

— Что ты, Катенька, голубушка? — беспокоилась няня, обнимая меня и целуя.

— По маменьке, знать, затосковала, сердешная, — печально улыбнулась Марья, и сразу ее ласка облегчила мое горе.

«Она добрая», — подумала я и крепко прижалась к моей няне.

Около меня сел молчаливый Ванюшка, нянин сынок, и все время не сводил с меня своих любопытных глаз. После обеда, состоявшего из щей и каши, все разошлись на работу. Няня помогла свекрови мыть посуду, и мне дали полотенце перетирать деревянные ложки и ножи.

В этот вечер, ложась спать на новом месте на одной постели с няней, я долго и горячо молилась за упокой души моей дорогой мамочки.

Глава шестая